

Д.Н. МАМИН
СИБИРЯК

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Пан Копачинский
(Повести и рассказы разных лет)

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0013
III.....	.0021

Пан Копачинский

В кабинете Суходоева всегда царил приятный для глаз полумрак. Два больших окна были почти совсем закрыты драпировками, а снизу свет мог проникать в них только через шелковые синие ширмочки. Темные обои, темная мебель, несколько фотографий на стене, два шкапа с книгами, широкий диван, обитый тисненой кожей, — все было просто, солидно и очень дорого, как в кабинетах у настоящих дорогих дельцов. Когда пан Копачинский вошел сюда, он сразу оценил опытным глазом мельчайшую подробность. О, уж если кто знал толк в обстановке, то, конечно, он, пан Йозеф, и никто больше! Копачинский даже прищурился и понюхал подкуренный послеобеденной дорогой сигарой воздух. Да, отлично, как и следует быть у порядочного человека, который имеет два кабинета: один для обыкновенных посетителей, а другой для интимных бесед и дорогих клиентов. Копачинский сразу попал именно в этот второй кабинет, хотя и почувствовал с первого раза на себе пытливо-недоверчивый, с легким от-

тенком безгливости взгляд хозяина. Э, пусть его морщится: пан Йозеф видал и не такие приемы.

— Игнатий Савельич поручил мне вести с вами переговоры относительно городского выгона, который необходим для нашего вокзала, — начал деловым тоном Копачинский, ловко бросая в правый глаз монокль. — Да, это дело необходимо наконец вырешить в ту или другую сторону... Вообще мы должны объясниться, Илья Васильич.

— Что касается лично меня, то я не избегаю объяснений, — сухо ответил Суходоев, вопросительно глядя из-под золотых очков на своего гостя. — Если вы...

— Не я, ах, совсем не я, а Игнатий Савельич... — быстро поправил Копачинский и даже отмахнулся рукой, точно одно сопоставление его имени с именем Игнатия Савельича являлось по меньшей мере святотатством. — Моя роль самого скромного характера: твори волю пославшего...

Копачинский говорил с сильным польским акцентом, который заставлял Суходоева ежиться и фукать носом. Эти два человека яв-

лялись полным контрастом. Суходоев был кряжистый, полный господин с широким русским лицом и небольшими умными глазами; его характерную голову с угловатым выпуклым лбом портила только преждевременная лысина и усталый взгляд. Одет он был в просторный домашний костюм, как одеваются старинные баре, не привыкшие себя стеснять. Но в глазах Копачинского он являлся все-таки кацапом, в лучшем случае — *parvenu* [1] глухого губернского городка. Сам Копачинский являлся сильно изношенным старым джентльменом с претензиями на изысканность. Когда-то он был очень красив, но сейчас от прежней красоты остались только одни морщины, желтый цвет лица, слегка дрожавшие руки и дурные привычки дамского баловня. Типичное польское лицо, сухое и вытянутое, с римским носом и крашеными усами, сохранило живыми одни глаза, большие и темные, глядевшие спокойно и вопросительно, как у насторожившейся птицы. Вообще подвижность изношенного пана рядом с тугой солидностью доморощенного дельца являлась резким контрастом, и Сухо-

доев выдерживал с гостем деловой, солидный тон только благодаря магическому имени самого Игнатия Савельича. «Прохвост какой-то...» — думал Суходоев, глядя куда-то в угол.

— Я вас не буду задерживать, — продолжал Копачинский со своей обычной торопливостью. — По-моему, дело ясно, как день... Если хотите, Игнатий Савельич тоже хлопочет в интересах города: чем ближе будет вокзал к черте города, тем лучше для вас, то есть для обывателей. Я говорю совершенно откровенно, потому что чем скорее мы кончим, тем лучше для обеих сторон.

— Откровенность за откровенность: зачем Игнатий Савельич ведет переговоры с Кичигиним? — ответил Суходоев вопросом и посмотрел на гостя в упор. — Это называется: двойная игра... Кичигин — наш враг, потому что его имение врезывается в городской выгон. У нас идет с ним процесс уже лет двадцать, то есть у города. Мы, без сомнения, выиграем дело, но пока вопрос остается все-таки спорным... По-моему, Игнатию Савельичу вернее и выгоднее было бы иметь дело с горо-

дом, а не с спорным землевладельцем. Вот мое мнение.

— О, вы совершенно правы!.. Представители города забывают только одно, именно — что Игнатий Савельич здесь совершенно новый человек, который имеет право и не знать некоторых обстоятельств... Сегодня он выстроит вам железную дорогу, а завтра он в Самарканде или в Архангельске.

— Тем более ему следовало иметь дело с городом и только с городом.

Пан Копачинский съезжился и лукаво прищурился, что заставило Суходоева подумать, уж не сказал ли он чего-нибудь лишнего. Ему показалось, что изношенный пан только ждет малейшего повода, чтобы заговорить с ним амикошонским тоном, как с любимым из железнодорожных подрядчиков. Гость решительно не хотел замечать производимого его словами впечатления, подвинулся вместе со стулом к гостеприимному хозяину и улыбнулся, показывая вставные зубы, совсем весело.

— Говоря между нами, все это вопрос самолюбия... — вкрадчивым полуголосом продол-

жал Копачинский, улыбаясь одними глазами, — да, самолюбия... И вы должны согласиться со мной, Илья Васильич. Город ждал, когда Игнатий Савельич придет к нему с поклоном, а Игнатий Савельич ждал, в свою очередь, когда город к нему придет... Вопрос первого шага — не больше... Да. Конечно, в интересах города, чтобы вокзал был построен ближе, и, как мне кажется, Игнатий Савельич имеет некоторое право на ваше внимание, хотя, как видите, и делает сам этот первый шаг. Признаться сказать, мне не особенно было лестно принять эту щекотливую миссию, но Игнатию Савельичу стоило только выразить желание, и я немедленно отправился к вам. Полагаю, что в моем лице вы уже получили достаточное удовлетворение для первого раза.

Изношенный пан был или безнадежно глуп, или уж слишком умен. С другой стороны, почему-то Игнатий Савельич послал его, а не кого-нибудь другого из своих «железнодорожных молодцов». Эта мысль обезоружила подозрительность Суходоева, и он без обиняков приступил к делу.

— Обратите внимание, что Игнатий Савельич послал меня не к городскому голове, а именно к вам, — повторял Копачинский, начинавший чувствовать под своими ногами твердую почву. — Я не буду объяснять этого особенным почтением к вам, а простым коммерческим расчетом... Для уважения необходимо слишком хорошо знать человека, а здесь только вопрос скорейшего разрешения возникшей путаницы. Ни для кого не тайна, что городские дела вершатся под вашим сильным влиянием...

Кора неприступности провинциального дельца растаяла, и последовал переход к делу. Появился на сцену план города, отчеты думских заседаний, какие-то сметы и соображения, примерные выкладки и проекты. Копачинский, как оказалось, был в курсе дела, и соглашение, тянувшееся несколько лет, состоялось в несколько минут. Условия, предложенные городом, не противоречили намерениям Игнатия Савельича. В заключение этой сделки последовал легкий завтрак, и Копачинский, попивая подогретое красное вино, добродушно говорил:

— А какое я пил вино, когда жил в Париже в шестидесятых годах!..

Он даже закрыл глаза и причмокнул. Эта выходка опять заставила Суходоева съежиться, и он простился с гостем довольно сухо.

— Могу считать мою миссию законченной? — спрашивал Копачинский уже в передней.

— О, совершенно... Мой поклон Игнатию Савельичу.

Постройка железной дороги для города Пропадинска являлась целым событием: он входил в семью других русских городов, переставших быть захолустными. Всех охватила какая-то лихорадка и смутные предчувствия чего-то лучшего, точно первый свисток паровоза мог разбудить мирно дремавшее захолустное болото. Наехавшие инженеры окрестили Пропадинск кличкой «лягушатника». Проснувшиеся обыватели подняли цены на квартиры и на свои «продукты», торговля оживилась, а местный общественный клуб буквально процвел. В Пропадинске, конечно, было два клуба — благородный и общественный, но инженеры-строители примкнули к последнему. По вечерам в нем шла настоящая толкучка: играла музыка, танцевали дамы, в бильярдной щелкали, шары, а в отдельных кабинетах резались в штос. Одним словом, закипала настоящая жизнь, точно неизвестная благодетельная фея пролетела незримо над Пропади не ком и взмахнула своей волшебной палочкой.

Мы уже сказали, что жизнь сосредоточивалась главным образом в общественном клубе. Суходоев приезжал туда часов около десяти, чтобы повидаться кой с кем из нужных людей и поужинать; он держал себя особнячком, как и приличествует деловому человеку. Сегодня Суходоев чувствовал себя особенно хорошо и вошел в клуб маленьким победителем. Снимая в передней пальто, он заметил игравшего на бильярде Копачинского и прошел прямо наверх, не желая встречаться с прохвостом, каким в его глазах остался этот сомнительный пан. Обойдя несколько комнат, где играли в винт, и заглянув в танцевальный зал, он остановился в дверях буфета. Половина стола была занята инженерами-строителями, являвшимися в клуб каждый вечер полным составом: тут были и Бринк, и Кельш, и Леке, и Горбатович, и фон-Укке.

— Илья Васильич!.. — слышалось разом несколько голосов.

Это общее внимание польстило Суходоеву: он был самолюбив, как все самородки, и кокетничал своей деловой неприступностью.

— Весь железнодорожный иконостас в сборе, — сострил он, здороваясь с «молодцами». — Недостает только протодьякона...

Протодьяконом Суходоев называл Игнатия Савельича, что вызывало каждый раз дружный смех, но сейчас все лица обернулись к закрытым дверям отдельного кабинета, и послышалось предупредительное шипение: сам был здесь... И Бринк, и Кельш, и Леке, и Горбатович, и фон-Укке делали Суходоеву телеграфные знаки, что его окончательно развеселило.

— Такая провинция! — ругался фон-Укке, когда Суходоев подсел к нему. — Так нельзя, Илья Васильич... Услышит, пожалуй, наш-то принципал.

— Так что же из того? И пусть слышит... Мне все равно. Хорошо я испугал вас всех...

— Ну, будет, Илья Васильич. Ведь мы верим, что ты остроумный человек.

«Молодцы» были веселый народ и не любили терять время даром. Появление Суходоева оживило веселую компанию еще больше, и посыпались шутки и остроты по адресу «лягушатника». Суходоев только улыбался и, в

свою очередь, отшучивался. С фон-Укке он был на «ты».

— Я слышал, что ты получил командировку в Петербург? — спрашивал Суходоев приятеля. — Говорят, Игнатию Савельичу понадобились десть бумаги и дюжина карандашей, так тебя и командировали... Одних прогонов получишь больше тысячи рублей.

«Молодцы» весело смеялись, а Горбатович громко хохотал, откинув голову назад. Немного задетый фон-Укке отделался обратной шуткой:

— Я ведь не Горбатович, Илья Васильич... Это Горбатович в третьем году ездил в Лондон посмотреть, в котором часу отходит поезд в Бирмингам.

— Что же, действительно ездил, — согласился Горбатович, не смущаясь.

Выпив красного вина, Суходоев подхватил фон-Укке под руку и повел из буфета.

— А ведь протодьякон-то сам ко мне пришел, — сообщил он по секрету. — Да... то есть он подослал «молодца».

— Не может быть!

— Я тебе говорю...

— Да сегодня же утром был об этом разговор, и Игнатий Савельич заявил категорически, что первый одного шага не сделает.

Суходоев рассказал о визите Копачинского, и фон-Укке развел только руками. При чем тут Копачинский? Он, собственно говоря, черт знает зачем и живет здесь. Так, околачивается около Игнатия Савельича... Что-нибудь да не так. Наконец, это просто глупо. Освободившись от Суходоева, фон-Укке полетел с докладом к Игнатию Савельичу, который ужинал в отдельном кабинете со своей содержанкой Марьей Андреевной tête-à-tête. Это был среднего роста, седой, плотный старик купеческого склада. Русское бородатое лицо смотрело хитрыми карими глазами насквозь. Марья Андреевна, представительная полная дама, всюду следовала за ним и слыла в среде «молодцов» под именем «мамаши». Выслушав доклад фон-Укке, Игнатий Савельич даже покраснел от волнения и коротко сказал:

— Позвать его сюда...

Фон-Укке полетел в бильярдную за Копачинским; он, как охотничья собака, понимал

каждый жест владыки-концессионера. Копачинский «делал шара», когда фон-Укке потащил его наверх.

— О, сто тысяч дьяблов! — ругался Копачинский, смахивая дорогой мел с сюртука. — Дайте кончить партию...

— Приказано доставить вас немедленно, живого или мертвого.

В кабинете Игнатия Савельича собрались все «молодцы»: и Бринк, и Кельш, и Леке, и Горбатович. Появление сконфуженного Копачинского вызвало несколько улыбок и сдержанный шепот. «Мамаша» тихонько толкала своей полной рукой Горбатовича, — это был ее фаворит. Суходоев мельком видел, как фон-Укке протащил Копачинского, и в волнении ждал, чем разыграется вся комедия.

— Тебя кто посылал к Суходоеву? — в упор спросил Игнатий Савельич, не глядя на Копачинского.

— Я, Игнатий Савельич... меня... я...

— Дурак!.. — оборвал его старик и даже ударил кулаком по столу, так что Марья Андреевна вздрогнула всем своим грешным телом. — Суешься не в свое дело, болван...

«Молодцы» переглянулись, довольные даровой комедией. При всяких недоразумениях Копачинский являлся козлом отпущения, и на его голову валилось все.

— Нет, вы посмотрите на него! — кричал Игнатий Савельич, бегая около стола. — Посмотрите на него... Да разве таких болванов посылают с какими-нибудь поручениями? Меня-то в какое положение поставил... Я пойду с поклоном к какому-нибудь Суходоеву? Ха-ха... Они должны прийти ко мне и придут, если не хотят, чтобы я кончил с Кичигиным...

— Конечно, Игнатий Савельич, — хором подтвердили «молодцы».

Копачинский стоял в самом жалком виде, точно он сразу состарился на десять лет. Он и ростом казался ниже, и лицо как-то осунулось, и ноги дрожали. Даже Марья Андреевна сжалась над стариком и своим ленивым певучим голосом заметила:

— Будет тебе, Игнатий Савельич... Рябчики совсем остынут. Надоел...

— Вон! — крикнул Игнатий Савельич и еще раз стукнул кулаком по столу так, что Марья Андреевна даже вскрикнула и схва-

тилась за руку Горбатовича. — Нет, каков гусь? — ругался Игнатий Савельич, когда Копачинский исчез. — Я буду посылать такого мерзавца к Суходоеву?.. Да я... тьфу!

Неистовствовавший старик еще хотел что-то прибавить по адресу несчастного пана, но Марья Андреевна торжественно поднялась с места, и он сразу утих.

— Ну, не буду, Маша... — слащаво заговорил он. — Виноват... Святого выведут из себя...

Когда фон-Укке сообщил результаты этой очной ставки Суходоеву, тот, в свою очередь, остолбенел. Что же это такое в самом деле? Какая-то глупая комедия... И кто из них троих дурак?..

— Да что он у вас такое, этот Копачинский? — обратился он к фон-Укке.

— Никто. Так, ходит кругом да около. Просто дурак...

— Однако с чего он придумал такую штуку?

— Да так, от нечего делать...

Суходоев чувствовал себя скверно. Вернувшись из клуба домой, он категорически заявил лакею, чтобы Копачинского не принимать.

— Так и скажи ему: «Дома, а принимать не приказано», — повторил Суходоев особенно внушительно.

— Слушаю-с...

Действительно, Копачинский явился на другой же день и был искренне огорчен ответом лакея.

— Как же так, братику... — растерянно бормотал он. — А мне нужно видеть твоего барина... Очень нужно!..

— Не могу знать-с...

Из окна своего второго кабинета Суходоев видел, как проследовал Копачинский к нему и обратно. Это его взволновало до такой степени, что он даже огорчился собственным малодушием. Конечно, он, Суходоев, вчера разыграл с этим прожженным паном порядочного дурака, но ведь черт его знал, что он за человек... И человек имеет нахальство яв-

ляться еще раз в дом, откуда его выгонят в шею? Нет, это, воля ваша, хоть кого обескуражит...

Целый день для Суходоева как-то не удался: утром прогнал двух клиентов, за обедом поссорился с женой и должен был просить прощения, после обеда не мог заснуть, как это делалось обыкновенно. Одним словом, целый день был испорчен. Вечером, разбирая какое-то дело, Суходоев чувствовал, что сегодня не может работать, но из упрямства хотел пересилить это дурацкое настроение. Было всего часов семь, когда так хорошо работается. Сделав над собой усилие, Суходоев наконец сосредоточился над работой и совсем не слышал, как отворилась в его кабинет небольшая дверка, выходящая в коридор. Кто-то вошел осторожными шагами и еще осторожнее кашлянул: это был Копачинский, пробравшийся в дом черным ходом.

— Вы... вы... — забормотал Суходоев, вскакивая.

— Нет, вы... что вы со мной делаете, Илья Васильич? — накинулся, в свою очередь, Копачинский. — Вы заставляете меня попадать

к вам с заднего крыльца...

— Послушайте, вы сошли с ума или меня считаете за дурака...

Суходоев протянул руку к колокольчику, но Копачинский остановил его умоляющим жестом.

— Выслушайте меня, Илья Васильич... всего два слова...

— Не желаю!.. Убирайтесь вон, если не хотите, чтобы вас выгнал лакей... Всему есть границы, милостивый государь! Понимаете? Только нахалы могут врывать в дом подобным образом, как это сейчас сделали вы.

Копачинский побледнел, выпрямился, заложил руку за борт сюртука и с достоинством ответил:

— Благодарите бога, милостивый государь, что вы имеете дело с человеком хладнокровным... да. Я пришел к вам требовать удовлетворения.

— Что-о?! Ха-ха... Это еще что за комедия?..

— Да-с... И вы мне его дадите. Давеча оскорбил меня Игнатий Савельич, а сейчас оскорбили вы... Еще раз: благодарите бога, что я могу выдержать характер до конца. Да,

вы поступили два раза бестактно и кругом виноваты... Я еще мог бы извинить вашу вчерашнюю выходку женщине, но мужчину я привык считать за равного... С какой стати вы вчера, милостивый государь, разболтали все о нашем соглашении фон-Укке? Да, повторяю, разболтали... Вы, серьезный человек, поступили, как женщина. Что же осталось делать Игнатию Савельичу? Чтобы сохранить свой престиж, он, конечно, пожертвовал мною и сделал это с приличной помпой... Да-с, я краснел, и краснел не за себя, а за вас! Понимаете вы наконец меня, черт мою душу возьми?

Не дожидаясь приглашения, Копачинский подошел к столу и занял тот стул, на котором сидел во время происходившего соглашения. Суходоев смотрел на него широко раскрытыми глазами и не мог сказать ни одного слова.

— Вас удивляет моя роль при Игнатию Савельиче? — ответил на его немой вопрос Копачинский и горько усмехнулся. — Вы угадали: роль жалкая... Я понимаю это и сам, понимаю, может быть, в тысячу раз лучше, чем все те, кто радуется моему позору. Что делать, так

сложилась обстоятельства...

— Что же вам нужно от меня? — спросил Суходоев после некоторой паузы. — С своей стороны, могу только пожалеть вас за ваше неудобное положение... Согласен: скверное положение. Но я-то при чем тут? Другое дело, если бы вы предупредили меня в момент приглашения...

— А сами вы не могли догадаться, Илья Васильевич? — как-то грустно спросил Копачинский. — Французы называют это ставить точку над буквой I. Для меня лично некоторым оправданием является то, что на мое место при Игнатии Савельиче нашлись бы десятки желающих; наконец, я несу свой позор по грустной необходимости: нужно же чем-нибудь жить. На какую другую службу примут меня?.. Вообще могу сказать, что я ем очень горький кусок хлеба... да. Но и при всем том я считаю себя все-таки выше хоть того же фон-Укке, который бежит наушничать Игнатию Савельичу на меня... Вы согласны?

— Просто мог быть простой разговор...

— Нет, извините, Илья Васильевич!.. Ох,

как хорошо я знаю эти простые разговоры! Мне ведь приходится отдуваться за них. Да... Я вас задерживаю? Сейчас кончу. Всего одну минуту терпения. Мне хотелось бы знать, за кого вы меня считаете? Вот и смотрите на меня и думаете: «Мерзавец этот пан Копачинский...» Так?

Суходоев даже покраснел и в волнении заходил по своему кабинету. Нет, это уж слишком... Видал он всякие виды на своем веку, но такой случай выпадал на его долю еще первым. Дельцу вдруг сделалось как-то совестно и за свою богатую обстановку, и за ошельмованного пана Копачинского, и вообще за всю ту грязь, которая окружала их обоих.

— Извините, нескромный вопрос: вы человек семейный? — спрашивал Суходоев, останавливаясь.

— Ах, да... — каким-то упавшим голосом залепетал пан Копачинский и полез в карман за бумажником. — Вот тут все... Жена умерла давно, но есть дочь Гедвига... она в институте... Боже, если бы она могла только подозревать...

Он подал Суходоеву несколько фотогра-

фий. Одна особенно была характерна: такое смелое и наивное женское личико с ясными глазами и тонким очерком носика и рта. Да, это настоящая польская красота... Подержав карточку в руках, Суходоев возвратил ее и сказал:

— Вы несчастный человек, пан Копачинский...

У старика от этого теплого слова выступили слезы на глазах.

1890

Примечания

Выскачка (франц.).

[^^^]